

Лэй Лижэня обступили со всех сторон. Бежать он не решался: любая искра могла разжечь чужую злобу и превратить скверное положение в безвыходное. Юноша понимал это слишком хорошо.

Лэй Лижэнь упорно молчал. Лэй Цзиню происходящее быстро наскучило. В отличие от прочих сверстников, привыкших развлекаться издевательствами, он ещё сохранил остатки сострадания и не испытывал радости от чужих мучений. И всё же, боясь белой вороной выделиться среди своих, он вынужден был кривить душой и поступать как все.

— Скука смертная, — только и начал Лэй Цзинь, собираясь увести остальных. — Пойдёмте отсюда.

Но стоявший рядом Лэй Син грубо прервал его, отвесив Лэй Лижэню чувствительный пинок.

— Ишь ты, даже показать приёмы господам не желаешь? — осклабился он. — Всего пару дней тебя не видели, а гонору-то прибавилось!

Мало кто в клане знал, что на самом деле произошло с Лэй Лижэнем. Большинство считало, что этот слабак попросту сбежал. Раньше юноша покорно сносил любые издевательства: он понимал, что малейшее сопротивление обернётся ещё большей жестокостью.

Однако существовала черта, которую он не мог переступить. Бывали требования настолько унижительные, что Лэй Лижэнь предпочитал жестокие побои согласию.

Потешать толпу своим мастерством означало уподобиться ярмарочной обезьянке. Лэй Лижэнь противился этому всей душой, но сейчас, зажатый в плотное кольцо, он оказался бессилен. Нападавшие нацелились на самое ценное для любого бойца — его руки, грозя покалечить их навсегда.

Растоптать его надежду было изощрённой жестокостью. Все эти годы он терпел лишь ради одной мечты: закалить тело, обрести могущество и однажды сокрушить сильнеешего мастера семьи Лэй, чтобы навек избавить себя от унижений.

Ради выживания и возможности тренироваться он шёл на любые жертвы, мирясь с самой горькой долей. Кто же знал, что у него попытаются отобрать даже этот призрачный шанс?

Лэй Лижэнь никогда не забудет ту ночь. Он крепко спал, когда в комнату ворвались убийцы. Запоры на двери, которые он бережно проверял каждый вечер, оказались бесполезной игрушкой против их силы.

Ему зажали рот и нос, а затем безжалостно сокрушили все меридианы тела. Очнулся он уже среди разрытых могил на Кладбище брошенных душ, едва живой от терзавшей его боли.

Бессильная ярость и отчаяние душили его. Творить подобное бесчинство прямо в резиденции Лэй могли лишь свои — те, кто ненавидел его сильнее прочих.

Но в чём была его вина? Лэй Лижэнь наивно верил, что, демонстрируя свой талант, он докажет собственную ценность клану и завоюет уважение. Он и подумать не мог, что выдающиеся успехи станут лишь поводом для зависти и жестокой расправы.

Зависть — поистине страшный яд.

Именно тогда он уяснил простой урок: покорность не спасает. Мучители никогда не утихомирят свою внутреннюю тьму, сколько бы ты ни уступал. Есть лишь один выход — лишить их самой возможности поднять на тебя руку.

— Ладно тебе, — вновь подал голос Лэй Цзинь, чувствуя, как внутри шевелится жалость к калеке. — Он теперь пустышка. Издеваться над ним — себя не уважать.

Лэй Син лишь презрительно фыркнул:

— Надо же, до чего ты докатился! Куда только подевалась твоя бывшая спесь? — В его взгляде сквозило неприкрытое злорадство.

Насчёт спеси Лэй Син явно загнул: юноша никогда не отличался высокомерием. Притаившийся рядом Го Нуань зарычал, мечтая вцепиться наглецу в глотку. Но увы — он оставался лишь крошечным щенком, и глупая храбрость могла стоять ему головы.

Скуля от страха, он поплотнее прижался к ногам Лэй Лижэня. Сейчас главное — не путаться под ногами.

Однако Лэй Син уже заметил щенка. Опустив взгляд, он издевательски расхохотался:

— Глядите-ка! Неужто наш гений мечтает вырастить грозного демонического зверя? Нашёл себе сокровище — облезлую дворнягу!

Остальные подпевалы тут же загоготали и кинулись ловить Го Нуаня.

Го Нуань мысленно взвыл: беда настигла его на ровном месте. Проклятая способность главного героя притягивать неприятности работала без сбоев, хотя сам сюжет давно сорвался с цепи и нёсся в неведомые дали.

Спасая шкуру, щенок бросился наутёк. Молодые мастера, забавляясь, пустили в ход свои боевые техники, чтобы поймать беззащитное животное.

Семь этапов закалки тела, девять этапов закалки духа... Прежде чем овладеть изначальной энергией, практик обязан выковать несокрушимую плоть и укрепить волю. Она состояла из семи ступеней, каждая из которых укрепляла жизненно важные узлы: от головы до конечностей. Боевые искусства этого уровня позволяли творить невероятное. Тот же Кулак грохочущего грома при ударе порождал оглушительный треск, а Шаги идущего по ветру даровали такую скорость, что за мастером тянулся лишь призрачный шлейф.

Что уж говорить о Сфере Изначальной Энергии, открывавшейся после завершения закалки! Читая об этом в своей прошлой жизни, Го Нуань буквально затаивал дыхание перед величием здешней магии.

Нынешние его преследователи разительно отличались от вчерашних оборванцев. Для этих одарённых юнцов поймать обычную собаку было секундным делом.

А Лэй Лижэнь стоял неподвижно, безучастно взирая на происходящее. Казалось, участь щенка его совершенно не волновала.

Лэй Син пристально вглядывался в лицо кузена, пытаясь уловить хоть тень эмоций, но холодная маска Лэй Лижэня оставалась непроницаемой.

Лэй Цзинь поморщился:

— Прекратите. Гоняться за бродячей дворнягой — позор для нашей семьи.

Но Лэй Син смерил его столь яростным взглядом, что Лэй Цзинь мгновенно осёкся. Юноша мысленно обругал себя за глупость. Что за затмение нашло на него сегодня? Зачем он раз за разом пытается заступиться за изгоя?

В их жестоком кругу нейтралитет прощался, но сочувствие к жертве расценивалось как предательство. Прояви слабость — и завтра сам окажешься на месте избитого калеки.

Понимая это, Лэй Цзинь подавил мимолётную жалость, вспыхнувшую после известия о сокрушённых меридианах Лэй Лижэня, и замолк, решив больше не вмешиваться.

— Наш Третий старейшина, помнится, обожает собачатину, — оскалился Лэй Син, раздосадованный абсолютным равнодушием Лэй Лижэня. — Щенок молодой, мясо должно быть нежным. Отличный выйдет подарок.

«Неужели бросит?» — Го Нуань заметался в панике. Куда испарился тот сострадательный юноша, который вчера просил врача Ся перевязать раненого щенка?

Впрочем, глупо было ожидать иного. Рисковать собой ради приبلудного пса против целой толпы соклановцев — безумие, особенно теперь, когда Лэй Лижэнь лишился всех сил.

Перед ним предстал тот самый грозный Владыка Девяти отголосков из романа. Пусть сейчас ему исполнилось всего девять лет, но жестокие удары судьбы уже успели превратить его сердце в кусок кремня.

Го Нуань был глубоко разочарован. С чего он вообще взял, что будущий кровожадный деспот бросится его защищать? Ещё вчера он считал его славным малым, а теперь мысленно костил последними словами. Терять всё равно нечего — скорее всего, его дни сочтены, так почему бы напоследок не высказать мысленно всё, что он думает об этом бездушном чудовище?

Щенок покосился на Чжан Мяо. Ждать помощи от этого старого слепца и вовсе не приходилось.

От бешеной погони швы на раненой лапе Го Нуаня лопнули. Дикая, невыносимая боль пронзила тело. Теряя силы, он понимал: долго ему не продержаться. Спасаться придётся самому.

Мучители сужали кольцо, развлекаясь вовсю. Го Нуань раз за разом бросался в просветы, но его неизменно отшвыривали назад. Осознание того, что с ним играют как с безвольной игрушкой, разъярило его.

— Могу я идти? — глухо спросил Лэй Лижэнь. Он даже не взглянул в сторону израненного щенка, словно эта жестокая забава была очередной скучной сценой, не заслуживающей его внимания.

Столь ледяное безразличие раззадорило Лэй Синя, распаляя его садистские наклонности. Вместо ответа тот лишь гнусно ухмыльнулся.

Лэй Лижэнь круто развернулся и зашагал прочь.

Заметив уходящую фигуру, Го Нуань отчаянно залаял:

— Гав! Гав! Лэй Лижэнь!

В этом лае звенело горькое отчаяние.

Шаг, ещё шаг... Юноша упрямо шёл вперёд, силясь заглушить в ушах жалобный визг.

Чжан Мяо, молча наблюдавший за этой сценой, покачал головой. Сердце у слепца защемило: пёс был преданным и умным, да только хозяин достался ему никудышный.

Поравнявшись со стариком, Лэй Лижэнь поймал на себе его невидящий взгляд. Но даже в этих пустых глазницах юноша отчётливо прочёл немой укор. Слепец презирал его за трусость и

равнодушие.

Ведь этот щенок спас его вчера ночью. А теперь он безропотно отдавал своего спасителя на растерзание, даже не попытавшись что-то предпринять.

«Это всего лишь глупая дворняга, — упрямо твердил себе внутренний голос. — Её жизнь не стоит человеческой».

Лэй Лижэнь пытался заглушить голос совести, но тщетно. Судьба этого маленького существа зеркально отражала его собственную. Он был таким же ничтожным изгоем, чью жизнь сильные мира сего могли растоптать в любую секунду ради забавы.

Пальцы сжались в кулаки с такой силой, что ногти вонзились в кожу, и по ладоням потекла тёплая кровь. Но физической боли он не замечал.

Лэй Лижэнь замер. Из самой глубины его истерзанной души вырвался хриплый, едва слышный шёпот:

— Прошу вас...

Каждое слово давалось ему с величайшим трудом, ломая хребет его гордости.

— Умоляю, спасите его.

И это действительно было сродни смерти. До сих пор единственным, что удерживало его на краю бездны и отличало от покорного скота, оставалось упрямое, яростное чувство собственного достоинства. Лишившись его, он терял всякий смысл своего существования.

Любая мольба, любая слабость в его глазах приравнялись к капитуляции. Под градом ударов он никогда не просил о пощаде. Если была возможность — молча уходил, если нет — терпел издевательства, лелея в глубине души неугасимый огонь ненависти. Но его взгляд всегда оставался непокорным.

А теперь он сломался.

Склонил голову ради паршивого щенка, который каким-то чудом умудрился занять место в его заиндевевшем сердце. Хотя, если признаться честно, сам он в глазах сородичей стоял не больше этой дворняги. На континенте Цзолань обычные псы считались самым ничтожным сором, уступающим даже слабейшим демоническим зверям.

Чжан Мяо усмехнулся про себя. Неужто этот мальчишка счёл его благородным праведником, готовым бросаться на выручку по первому зову? Да, щенок ему приглянулся, и его

безвременная гибель была бы досадной потерей, но мартать руки в чужих семейных дразгах старик не собирался.

Мальчик принадлежал к клану Лэй, а значит, все предначертанные испытания, всю горечь и боль он должен был испытать до дна в одиночку. Сегодня Чжан Мяо мог уберечь его от одной беды, но оградить от жестокости мира навсегда был не в силах. Только собственное могущество могло положить конец этим унижениям.

За долгие годы скитаний старый слепец насмотрелся на столькие ужасы, что предпочёл навек закрыть глаза, полагаясь отныне лишь на внутреннее зрение. Слишком много зла пронеслось перед ним, и былая жалость давно иссохла, оставив лишь равнодушную мудрость.

В конце концов, это была чужая судьба. Он мог стать лишь мимолётным попутчиком в этой истории, но каждый должен пройти свой путь сам.

<http://bllate.org/book/20621/2134983>